

раз предмета. Этот образ присутствует в мысли, незримо зримый оку воображения. Для того чтобы понять Гегеля, необходимо сделать в душе некое творческое усилие, насыщающее мысль работой воображения: надо увидеть воображением то, о чем мыслит душа. Такое видение предполагает эстетизацию мысленного процесса. Только при соблюдении этого условия, считает русский философ, философствование Гегеля откроет не только свою рационалистическую сторону, обращенную смыслу, но и свой иррационалистический аспект, сближающий его с философами-романтиками. Тогда только его философствование предстанет в своем истинном характере мыслящего ясновидения.

Уход сознания в предмет есть не эмпирическое, но метафизическое событие. Понятие одарено самосознанием и самодеятельностью. Сознание не погибает в предмете, но обогащается его содержанием. Имея возможность жить духом, спекулятивная мысль дает душе счастье самоотречения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
2. См.: Гадамер Х. -Г. Истина и метод. М., 1988.
3. Гегель. Феноменология духа // Собр. соч. Т. IV.
4. Кохановский В. П. Философия и методология науки. Ростов н/Д., 1999.
5. Гегель. Различие между системами философии Фихте и Шеллинга... // Кантовский сборник. Вып. 13. Калининград, 1988.
6. Гегель. Наука логики. Т. 1. М., 1970.
7. См.: Пушкин В. Г. Философия Гегеля: абсолютное в человеке. СПб., 2000.
8. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974.
9. Гегель. Наука логики. Т. 3. М., 1972.
10. Герцен А. И. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1986.
11. Хайдеггер М. Гегель и греки // Время и бытие. М., 1993.
12. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: В 2 т. Т. 1. М., 1918.

*Вадим Авенирович КОНДАКОВ —
доцент кафедры философии
Тюменского государственного
нефтегазового университета,
кандидат философских наук*

УДК 130.1

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ КОНЦА XIX– СЕРЕДИНЫ XX ВВ.

(Философско-социологический анализ)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию пессимистических и оптимистических взглядов на проблемы техники в русской философии. Рассматривается их методологическое значение для анализа современной техносферы, диалектики техники и природы, техники духовной жизни современного российского общества.*

The article is devoted to the investigation of the pessimistic and optimistic views in Russian philosophy upon the problems of the technical development. The author considers their methodological significance for the analysis of the modern technical sphere, for the dialectics of the technical development and nature, as well as the techniques of the spiritual life of the contemporary Russian society.

Философия техники возникла в середине XIX в. С появлением этой отрасли философского знания в ее рамках сложились два противоположные направления: оптимистическое и пессимистическое. На протяжении всей истории ее существования между представителями этих направлений велась острая полемика. Своего апогея она достигла в 60-е годы прошлого века в период так называемой «хрущевской оттепели» и вылилась в дискуссию между физиками и лириками. Тогда, как известно, победителями оказались физики. Однако в последней четверти XX в. верх стали одерживать представители пессимистическо-эсхатологического направления философии техники. В немалой степени этому способствовали ряд крупнейших технических и экологических катастроф и серьезная методологическая база, разработанная такими выдающимися зарубежными мыслителями, как М. Хайдеггер, К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Маркузе, Л. Мемфордо, Э. Фромм и др. Ее сторонниками являлись многие русские философы «серебряного века». Мы имеем в виду Н. А. Бердяева, В. В. Вейдле, Б. П. Вышеславцева, М. О. Гершензона, Н. В. Устрялова и др.

В отличие от К. Маркса, В. Зомбарта (а в настоящее время Д. Белла, Р. Арона, Дж. Гелбрейта, А. Тоффлера и др.), которые связывали с развитием техники надежду на будущее общества, Бердяев, равно как и другие вышеназванные русские ученые, в ее оценке были более пессимистичны¹. Отправным пунктом такого отношения Бердяева к технике являлось то обстоятельство, что она была, по его мнению, результатом интенсивной экстернизации (объективизации) духа, создающей новую, отличную от природного и неорганического мира действительность. Эта реальность в соответствии с бердяевской эсхатологической метафизикой относится к миру объективации и в этом смысле, *во-первых*, нарушает синкретическое (дружески доверительное) единство человека с природой², что означает переход всего человеческого существования от организма к организации.

Особенно чувствительны к наступлению технической популяции традиционные общества (теперь ежегодно около 15-20 млн. различных машин, технических устройств и приборов увеличивают ее численность), в культуре которых еще в явном виде обнаруживаются «рецидивы» анимизма (анимизм – одушевление всего природного окружающего мира). Суть последних еще более 150 лет назад очень удачно выразил русский философ-поэт Ф. И. Тютчев в следующих строках:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык....

В современной России анимистические воззрения еще живы в сознании народов Дальнего Востока и Севера и оказывают сильное воздействие на повседневную и эмоциональную жизнь местного населения. Так, например, у хантов запрещено втыкать ножи в землю, потому что она Мать: человек подобными действиями пронзает грудь, его вскормившую. Можно лишь догадываться, какие чувства

¹Например, М. О. Гершензон называл технику и науку «вампирами», способными погубить человечество, а Б. П. Вышеславцев видел в них имманентное зло современного ему общества.

²«Техника, — писал Бердяев, — отрывает человека от земли, она наносит удар всякой мистике земли, мистике материнского начала, которая играла такую роль в жизни человеческих обществ» [1, с. 509].

испытывают эти народы, невозобновляемые природные богатства которых вырубаются, вылавливаются, уничтожаются с чудовищной силой. При этом значительная часть природной ренты оказывается вне бюджетов всех уровней, т. е. не используется, как например, в Канаде, ни в социальной, ни в инвестиционной политике государства. А ведь хорошо известно, что финансирование научно- и техноемких отраслей народного хозяйства гораздо более рентабельно, чем добывающей промышленности. Так, если продажа на мировом рынке одного килограмма сырой нефти приносит 2-2,5 цента прибыли, то килограмм бытовой техники дает 50 долл., килограмм авиационной техники – 1000 долл., а килограмм электронники и информационной техники позволяет заработать до 5 тыс. долл. [2, с. 4]. Однако несмотря на приведенные данные (кстати, хорошо знакомые специалистам), структура производства сырьевой и перерабатывающей ориентации, сложившаяся в 90-е гг. и характерная для экономически зависимых стран, сохраняется по сей день и, возможно, в ближайшей перспективе вряд ли будет изменена¹. В этом смысле нефтяные и газовые трубопроводы можно уподобить наркотической игле, на которую «посадили» Россию сначала коммунисты, а затем младореформаторы. Это приходится констатировать с сожалением, поскольку для того, чтобы в земной коре сформировались нефтяные слои, в древности, на протяжении сотен миллионов лет должны были рождаться, жить и умирать, превращаясь в нефть, триллионы и триллионы живых организмов, каждый из которых проживал свою неповторимую жизнь.

Между тем по расчетам многих ведущих экономистов страны сегодня основной вклад в прирост ВВП должен вносить не труд, а природно-ресурсная рента. Так, по данным академика Д. С. Львова, на ее долю должно приходиться до 75% получаемого дохода, тогда как на капитал — 20%, а на труд — всего лишь 5%. В то же время основной упор в системе налогообложения в современной России сделан на труд, а именно на фонд оплаты труда. Из общего объема налоговых поступлений прямо или косвенно до 70% падает на труд. На долю капитала приходится 17%, а на долю ренты от использования природных ресурсов только 13%. В экономической системе постсоветской России таким образом происходит скрытое от глаз общества перераспределение значительной части реального дохода в пользу ничтожного меньшинства — небольшой группы держателей контрольных пакетов и «золотых» акций высокодоходных предприятий нефтяной, газовой и некоторых других сырьевых отраслей, связанных, как правило, с экспортом и внешнеторговыми операциями. Косвенным подтверждением сказанного является высказывание Председателя Правительства Российской Федерации М. Касьянова о том, что «изменения мировой цены на нефть на 1 доллар ведет к недополучению доходов страны на 2 миллиарда долларов, доходов бюджета — в 1 миллиард долларов» [4, с. 162]. Отсюда ясным становится источник многомиллиардных состояний олигархов. В этом смысле, как нам представляется, был прав профессор Гарвардского университета Я. Корнаи, который назвал постсоветскую Россию «извращенной, крайне несправедливой формой олигархического капитализма», на одном полюсе которого находится богатство, на другом — бедность.

Во-вторых, техносфера, по мнению Бердяева, рационализирует человеческую субъективность, подчиняя ее омертвелым схемам и формулам, убивает в нас способность к созерцанию своего внутреннего мира и отрешает от трансцендентного. Для нас важна и другая мысль Бердяева — о соотношении рационального и иррационального в душевном бытии технологического человека и непредсказуемых последстви-

¹ По прогнозам специалистов, например, экспорт природного газа из России к 2005 г. может возрасти до 242 млрд куб. м, к 2010 г. — 270, 2015 — до 281 и к 2020 г. — до 291 млрд куб. м [3, с. 259].

ях его деятельности: «Техника рационализирует человеческую жизнь, но рационализация эта имеет иррациональные последствия» [5, с. 345]. Можно с полным правом утверждать, что эта мысль, высказанная русским философом в «Судьбе человека в современном мире» в конце 20-х годов прошлого века, подтвердилась на рубеже двух тысячелетий. И действительно, технологический субъект с присущей ему пагубной самонадеянностью в том, что он является носителем абсолютной истины бытия, осуществляет тотальное воздействие на него. Однако какие-то стороны природной и социальной реальности остаются вне зоны его гносеологического интереса или «вещью в себе». Поэтому хозяйственная деятельность такого рационализованного субъекта часто дает результат, который входит в противоречие с поставленной им целью. Примером этому могут служить разрушительные экологические и техногенные катаклизмы, охватившие в настоящее время большинство стран всех континентов мира.

Стоит обратить внимание на то, что увеличение удельного веса рации в сознании технологического человека ведет к тому, что многие духовные элементы его рационально-психологической сферы вытесняются в бессознательное, а их место занимают ранее подавленные антиподы аутентичной духовности. Этим, в частности, можно объяснить некрофильскую тенденцию в душевном мире и деятельности наиболее экономически активной части населения индустриально развитых стран¹, которую Э. Фромм квалифицировал как феномен психической патологии. Кроме того, вытесненные в бессознательное фрагменты рассматриваемой сферы человеческой субъективности, как это было показано З. Фрейдом, К. Юнгом, С. Грофом, могут уже в превращенных формах неожиданно появиться в сознании и проявиться в различных видах отклоняющегося поведения иррационального характера.

В-третьих, эволюция техногенной цивилизации в западном мире уже при жизни Бердяева (в 1922 г. вместе с другими русскими учеными, не принявшими революционный переворот 1917 г., он был выслан из страны) сопровождалась кризисом традиционного гуманизма, поражениями душевной и эмоциональной жизни человека. Они, конечно, не остались вне внимания Бердяева, тонко чувствовавшего все изменения, происходящие в современном ему обществе. С этими наблюдениями и размышлениями он поделился со своими коллегами и читателями в работах «Человек и машина», «Пути гуманизма». В последней мы, например, читаем: «Современная машинная, техническая цивилизация убийственна для внутренней жизни человека, разрушает его целостность, искажает его эмоциональную жизнь, делает его орудием нечеловеческих процессов, не дает возможности созерцания вследствие нарастающего ускорения жизни» [7, с. 147-148].

Поясним эту мысль русского философа. В современной техногенной цивилизации человек из цели все в большей степени становится средством (фактором) ее функционирования и развития. Об этом искажении второй формулы кантовского категорического императива можно судить хотя бы по тому факту, что уже сейчас 80-90% новой техники создается не для обслуживания человека, а для обслуживания машинной популяции. То есть по мере развития такой цивилизации человек из властелина техники превращается в ее слугу, и в этом смысле машина поработочает и закабаляет его душевную жизнь, подчиняя жизнь такого типа Номо требованиям «второй природы». Вот что об этом писал русский поэт М. Волошин:

¹ «Номо mechanicus, — писал Э. Фромм, — все больше интересуется машинами и меньше участием в собственной жизни и ответственностью за нее. Механическое приводит его в восторг, и, наконец, он чувствует влечение к мертвому и тотальному разрушению ... Эти признаки некрофильского ориентирования мы находим во всех современных индустриальных обществах, независимо от их политической культуры» [6, с. 44, 45].

Как нет изобретателя, который
чертя машину, ею не мечтал
облагодетельствовать человека,
так нет машины, не принесшей в мир
тягчайшей нищеты
и новых видов рабства.

Как мы уже писали выше, разрастание искусственной среды, функционирующей на основе тех же законов, что и естественная природа, кратно усиливает значение в жизни человека необходимости и, соответственно, девальвации сферы свободы и духа. Последнее является причиной возникновения у субъектов техногенной цивилизации экзистенциального (душевного) вакуума, ведущего, как это было установлено В. Франклом, к ноогенным неврозам (алкоголизму, наркомании и самоубийствам).

Особенно волновала русского философа возможность использования достижений науки и техники политическими авантюристами, что может привести к гибели человеческой цивилизации. В контексте сказанного интересным представляется следующее его высказывание по этой проблеме, которая приобретает особую актуальность на рубеже двух тысячелетий: «Новая действительность, созданная техникой, останется в космической жизни. Но человека не будет, не будет органической жизни. Это страшный кошмар иногда снится. От напряжения силы духа зависит, избежит ли человек этой участи. Исключительная власть технизации и машинизации влечет именно к этому пределу, к небытию в техническом совершенстве. Невозможно допустить автономии техники, предоставить ей полную свободу действия, она должна быть подчинена духу и духовным ценностям жизни, как, впрочем, и все. Но дух человеческий справится с грандиозной задачей в том лишь случае, если он не будет изолирован и не будет опираться лишь на себя, если он будет соединен с Богом. Только тогда сохранится в человеке образ и подобие Божие, т. е. сохранится человек. В этом обнаруживается различие эсхатологии христианской и эсхатологии технической» [7, с. 515–516].

Пессимистические предчувствия Бердяева, связанные с развитием технической цивилизации, были созвучны мироощущениям других русских философов, писателей и поэтов. Вот как это было запечатлено Н. Гумилевым в заключительных строках его стихотворения «Сахара».

И, быть может, немного осталось веков,
Как на мир наш зеленый и старый,
Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары.
Средиземное море засыпят они,
И Париж, и Москву, и Афины,
И мы будем в небесные верить огни,
На верблюдах своих бедуины.
И когда, наконец, корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной золотой океан
И дадут ему имя: Сахара.

Примечательным является тот факт, что и современные отечественные ученые не высказывают особого оптимизма по поводу развития техносферы (В. А. Кутырев, Ю. М. Федоров, В. М. Розин, Б. И. Кудрин, В. П. Рачков и др.). Вот какова, например, оценка последнего конечной точки развития техногенной цивилизации: «Чем дальше продвигается в своем развитии наука и техника, тем больше усугубляется рискованная ситуация и увеличивается вероятность общечеловеческой катастрофы... Сегодня самое время, чтобы человек перестал удовлетворяться несвязными результатами научных исследований. Если об этом не задумываться заранее, то как только процесс однажды вырвется из-под контроля, так сразу же пойдет очень быстро до самого конца» [8, с. 95, 171].

Более оптимистических взглядов на понимание техники придерживались русские космисты (Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский и др.). Однако следует отметить одну важную особенность в их трактовке рассматриваемого феномена, заключающуюся в подчинении ее решению глобальных проблем. Так, например, Н. Ф. Федоров видел предназначение техники не столько в производстве «мануфактурных игрушек», сколько в отыскании новых земель (колонизации космического пространства), овладении атмосферными явлениями, регуляции метеорических процессов («ветры и дожди обратятся в вентиляцию и ирригацию земного шара как общего хозяйства»), а в конечном итоге патрофикации (воскрешении отцов путем «возвращения разложенных частиц тем существам, коим они первоначально принадлежали»).

Одним из ярких последователей Н. Ф. Федорова был К. Э. Циолковский. Его по праву можно считать идеологом космической деятельности, которая в настоящее время является квинтэссенцией современного научно-технического прогресса. Не отрицая значения техники в улучшении качества жизни¹ и освоении космического пространства, он, исходя из своей антропологической теории, полагал, что оно должно служить счастьем атома, поскольку «мое счастье зависит от счастья вселенной. Если атом может попасть только в совершенное существо, если во вселенной будут только такие, если в ней нет никакого зла, никаких страданий, — то как же атом может быть несчастлив? Он повсюду натывается на одно счастье ...» [9, с. 323].

Таким образом, русские философы конца XIX–середины XX вв. видели в технике возможность формирования хищническо-паразитической потребительской цивилизации и поэтому либо занимали по отношению к ней антисциентистскую позицию, либо подчиняли ее решению глобальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994.
2. См.: Долголаптев А., Рубанов В. Самовыражение вместо подражания // Независимая газета. 1999. 1 сентября.
3. Андрианов В. Современные тенденции в развитии мировой энергетики и энергетики России // Общество и экономика. 2002. № 3-4.
4. Цит. по: Николаев И., Шульга И. Цены на нефть и запас прочности российского бюджета 2002 // Общество и экономика. 2002. № 2.
5. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.
6. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
7. Цит. по: Федоров Ю. М. Онтологические формы и функции технологии // Очерки философии техники: Учебное пособие. СПб.: СПГУТД, 2000.
8. Рачков В. П. Техника и ее роль в судьбах человечества. Свердловск: Изд-ва Урал. ун-та, 1991.
9. Циолковский К. Э. Космическая философия. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

---

¹ «Техника, — как писал К. Э. Циолковский, — делает человека сильнее тигра, быстрее лани. Она дает ему крылья и дворцы, заставляет природу работать, как раба. Знание дает прекрасные съедобные продукты, способ сохранять их и улучшать, — высокие урожаи, неистощимость почвы» [9, с. 15].